

Михаил Тырин

ЖЕЛТАЯ ЛИНИЯ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Т93

Тырин, М.

Т93 Жёлтая линия / М. Тырин. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 494 с. — (Абсолютное оружие).

Черт знает до чего может довести желание вырваться из однообразия будней!

Для Бориса Еникеева подобное стремление обернулось еще более страшной каторгой.

Ледяные просторы чужой планеты, а затем чудовищные болота Водавии — и война, огонь, кровь и ежедневный смертельный риск. А в награду справедливая Космическая Цивилизация, солдатом которой стал Борис, щедро наделила его, как и каждого своего подопечного, миской баланды и мечтой о светлом будущем. Но изощренный земной ум всегда найдет выход...

BIC FM
BISAC FIC009000

ПРОЛОГ

Пустая, покрытая снегом дорога блестела в свете луны. С обеих ее сторон громоздились кочки замерзшего болота, кое-где торчали спутанные голые кусты и чахленькие деревья. Все здесь казалось мертвым. Лишь два или три огня неверно мерцали где-то вдали, почти на горизонте.

Он смотрел на эти огни, думая о жилье, о теплых стенах, о сытном ужине. Окоченевшие руки ничего не чувствовали, рваная осенняя куртка почти не спасала от мороза. На клочковатой бороде, на бровях и ресницах белел иней. Звонящий пар вырывался изо рта при дыхании и надолго повисал в неподвижном воздухе.

Он был один на этой дороге. Он шел, хотя ему некуда было идти, и его не ждали ни в одном из домов, где топили печь и накрывали на стол. Ноги болели от усталости. Все чаще ему приходилось останавливаться, чтобы просто постоять, собраться с силами. Уже несколько раз он падал от усталости.

В замороженном воздухе вдруг повис звук мотора. Он был еще далеко и нарастал очень медленно.

Но наконец две белые фары полыхнули из-за поворота. Он повернулся и, не удержавшись, снова упал на дорогу.

Скрипнули тормоза, колеса прошуршали по снегу. Гулко стукнув, открылась дверь грузовика, и чей-то неразличимый силуэт высунулся из кабины.

— Эй! — послышался хриплый, чуть испуганный голос. — Ты чего там?

— Ну, что он? — спросил второй человек в кабине, водитель. — Живой?

— Не знаю... Лежит. Эй!

Человек наконец не выдержал и выбрался из кабины. Осторожно и с опаской подошел к лежащему.

— Может, машина сбила? — предположил его напарник.

Человек тронул лежащего носком ботинка. Тот зашевелился. Поднялся с большим трудом, сел.

— Возьми... — еле слышно проговорил он и вытащил из-за пазухи мятый лист бумаги.

Человек машинально взял лист, отступил на пару шагов.

— Живой, — сказал он. — Бомжина какой-то. Наверно, пьяный.

— Ну, поехали, — сразу заторопился водитель. — Менты в гараж поедут — подберут. Поехали.

Хлопнула дверь кабины, грузовик дернулся и укатил, оставив медленно клубящееся облако дыма. Он наконец поднялся и, шатаясь, побрел дальше.

— Что там у тебя? — спросил водитель, покосившись на бумагу.

— Где? А-а, это... Не знаю. — Человек чиркнул зажигалкой, поднес лист к глазам. — Та-ак... «Универсальный рецепт... рецепт счастья». Чушь какая-то...

— Выкинь, — безразлично отозвался водитель. — Может, она заразная. Счастье, блин...

Смятый листок упал на снег. Колючие зимние звезды равнодушно подмигивали в вышине.

А он снова поднялся и тяжело зашагал вперед. Ему еще много предстояло сделать, хотя и некуда было идти.

Часть I
ТРУЖЕНИК

Не люблю подавать нищим. Не люблю замедлять шаг, лезть в карман, выскребать мелочь... Особенно у всех на виду. Мне кажется, есть в этом какое-то стыдное позерство. Все равно что останавливаться посреди дороги и вразмашку креститься, увидав церковь.

Не люблю подавать нищим, тем более настырным, которые смотрят в глаза, кланчат или еще хуже — начинают преследовать. В конце концов, имею я право просто идти по улице, чтобы их жалобные глаза не точили мою совесть?

И, как назло, именно такой — настырный, надоедливый, крикливый бродяга — увязался за мной, когда я выскочил из троллейбуса и, вжав голову в плечи, заторопился по тротуару.

Валил отвратительный липкий снег, застревал в волосах, в моих дырявых ботинках хлюпало. Осень началась с уютного листопада и задумчивого тускнеющего солнца на ясном небе, но вдруг словно обозлилась, скурвилась и что есть сил принялась хлестать город холодными ливнями и снегопадами-однодневками, замешенными на крутом ветру.

Я торопился домой, хотя там было не лучше. И тут вдруг привязался он: заросший, беззубый, трясущийся с похмелья. Он что-то ныл, хватая меня за плащ, а я даже не мог огрызнуться. Мне просто не хотелось поворачивать голову и открывать рот — казалось, от этого станет холоднее. Я надеялся, что он отцепится сам.

Он не отцеплялся, и это становилось невыносимо. Я повернул к дверям хорошо знакомой мне пивной, хотя до моего подъезда оставалось шагов пятьдесят. Просто хотел поскорей отделаться от деда. И от снега.

— Возьмите... — плаксиво простонал дед. — Возьмите же!

И в последний момент, представьте себе, он успел сунуть мне в руку грязный и мятый листок с расплывшимися чернилами. Я заметил, у него осталась целая пачка таких же листков. Морщась от брезгливости, я взял бумажку кончиками пальцев — лишь бы он отвялся — и нырнул за тяжелые двери заведения, которые моментально отгородили меня от снега, холода и приставааний полоумного бродяги.

Внутри было душно и темно. На меня равнодушно взглянул из-за прилавка бармен по имени Вася. Я ничего о нем не знал, кроме имени. А он не знал моего имени, зато знал все остальное. Он видел, как я одеваюсь — и зимой, и летом, он наблюдал, как я отсчитываю последнюю мелочь, сдувая с нее прилипчивый карманный мусор... Он, наконец, видел, с кем я пью. Бармены часто бывают очень наблюдательны. Недаром половина из них — осведомители.

Я не мог просто войти и выйти. Скромное достоинство небогатого человека не позволяло выглядеть чудаком, жалким созерцателем ценников. И у меня были деньги — как раз хватило бы на пару кружек. Прав-